

©1994 г.

Дж. БУШНЕЛЛ

ЭПИГРАФИКА РУССКОГО СЕВЕРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ ПОМОРЬЯ

БУШНЕЛЛ Джон - профессор истории Норт-Уэстерского университета (Иллинойс, США).

У России долгая и богатая история эпиграфики. Одновременно с появлением в X в. письменности на Руси люди делали всякого рода надписи на стенах домов, церквей, на предметах домашнего обихода. С установлением христианства русские люди все чаще изображают крест, пишут молитвы, те или иные имена в пещерах и кельях Киево-Печерского монастыря, на стенах Софийских соборов в Киеве и Новгороде. На примере любой церкви, построенной до XV в., мы видим: многочисленные граффити (настенные надписи) повествуют о самых разных интересах, надеждах, чаяниях людей, выразившихся в упованиях на заступничество святых. Практически любые археологические раскопки приводят к открытию граффити домосковского периода. Их обилие позволяет с уверенностью сделать вывод о том, что практика начертания крестов, молитв, имен святых угодников была широко распространена в народе. Очень часто встречаются и граффити, носящие светский характер: искусные бытовые рисунки, свидетельства торговых сделок, оставленные взрослыми, и упражнения в арифметике и грамматике, начертанные детской рукой. И те, и другие старательно выписывают слова песенок-частушек, поговорок. В одной новгородской церкви, например, на стенах многократно повторяется надпись: «Пойду бобром возле руки».

Обилие граффити ставит перед исследователем очень интересный вопрос: почему они исчезли сразу после XV в.? Свидетельств бытовой эпиграфики XVI—XIX вв. буквально единицы. Вместе с тем нельзя же в самом деле думать, что народный обычай мог прекратиться столь внезапно, и русские люди перестали делать то, что так часто делали до XV и после XIX вв. - надписи на стенах. Вот пример (один из многих) живучести народной традиции: стены одной из часовен в С.-Петербурге чуть ли не целиком покрыты (если взять только последние 2-3 десятилетия) молитвами-обращениями верующих к Ксении Петербургской о заступничестве. Часовня св. Ксении Петербургской - не исключение. Как ни стараются священнослужители, а надписи-молитвы на стенах церквей - дело повсеместное. Да и дети по-прежнему не только в тетрадках делают уроки, но и рисуют мелом на стенах домов и асфальте во дворах. Так что же, можем ли мы думать, что русские - и взрослые, и дети - в течение 400 лет не молились и не делали школьных уроков? Конечно же, нет!

Одной из причин внезапного исчезновения граффити из археологических находок после XV в. наверняка является то, что именно тогда бересту и стило заменяют перо, чернила и бумага. И если прежние письменные принадлежности (всегда, кстати, висевшие у мирянина на поясе) позволяли писать на стенах, то новые - нет. А надписи углем и мелом быстро стирались. Надписи же на дереве, в отличие от надписей на камне и штукатурке, тоже не отличаются долговечностью. Но и это еще не все:

следует помнить, что самые ранние граффити сохранились и вот по какой причине. Как известно, в течение времени так называемый «культурный слой», состоящий из разного рода обломков штукатурки, стен, фундамента, остатков предметов утвари и т.п., постоянно повышается и скрывает, как бы «консервируя», ранние надписи. В то время как более поздние находятся в наименее выигрышном положении - их то стирают, то меняют на другие, то скрывают новой штукатуркой и побелкой. Вот почему так трудно, а подчас невозможно проводить всесторонние эпиграфические исследования: они слишком зависят от многих случайностей материального порядка, техники письма, распространенной в данную эпоху, и т.д.

Тем не менее, даже те граффити, которые нам уже известны - уникальный источник для выводов и характеристики истории народной культуры и мышления как в прошлом, так и в настоящем. Надписи времен Киевской Руси по-новому раскрывают нам то, как понимали свою веру в народе. А надписи в подъезде музея-квартиры писателя Михаила Булгакова на Большой Садовой, 10 (302-бис) в Москве лучше всякого социологического опроса-интервью свидетельствуют о том, что же в наибольшей степени привлекает читателей в «Мастере и Маргарите». Очень интересны и надписи футбольных болельщиков-фанатов, а также представителей разного рода контр-культур (например, хиппи 1970-1980-х), стиль и содержание которых говорят о реальном духовном крушении советского официоза, происшедшем по крайней мере лет на десять раньше крушения политического. В Киеве и Новгороде XII в., как и в Москве и Ленинграде 80-х годов, граффити - ярчайшее свидетельство насущных интересов людей, уровня и даже географии их социального и культурного общения.

Предлагаемая читателю статья А.Н. Мельника «Очерки по исторической социологии Русского Севера» интересна прежде всего тем, что как бы заполняет существующие в исследованиях социальной истории эпиграфики пробелы. Это немаловажно, но не все. Примечательно и то, что Мельник показывает: существует целый массив источников, которые могут быть использованы для восстановления историко-социальной картины эпохи при почти полном отсутствии других археологических свидетельств. Большинство находок датируются XIX-XX вв., но это потому, что граффити делались на дереве — материале недолговечном, а также потому, что многое систематически уничтожалось при советской власти. Данные эпиграфики свидетельствуют об устойчивой духовной традиции Русского Севера, сложившейся с самого момента его заселения. Мельник четко прослеживает различные аспекты истории русских поморов, - как религиозный, так и светский - увязывает их с укладом жизни в целом. Например, устанавливаемые русскими первопроходцами кресты несли в себе самые разнообразные функции, а запечатленная на них информация как бы связывала воедино сушу, море, людей в общем экологическом, социально-культурном и духовном пространстве. Сохранившиеся граффити способны поведать очень многое об обитателях Русского Севера - выходцах из самых разных уголков русской земли, их культуре, трудовых навыках, быте, мировоззрении.

А.Н. Мельник вводит в научный оборот большое количество интереснейших источников по истории Русского Севера. Но это лишь самое начало огромной работы, которую надлежит проделать. Многие специалисты найдут здесь благодатную почву для исследований. Новые открытия, которые, без сомнения, еще будут сделаны, покажут миру богатую культуру русских поморов во всем многообразии, их великодушное, уникальное умение, - существующее несмотря ни на что до сих пор, - жить в согласии с собой и окружающими. Умение, которого так не хватает всем нам сегодня - в каких бы странах и на каких бы континентах мы ни жили. Будем же надеяться, что данные эпиграфики заинтересуют самых разных исследователей: социологов, историков, культурологов, этнографов, философов и многих других специалистов.

Перевод с английского В.И. ШАМШУРИНА